

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ЕВРАЗИЙСКОЙ ДУГИ НЕСТАБИЛЬНОСТИ: РАССТАНОВКА ЗОН ВЛИЯНИЯ И ПЕРЕНОС НЕСТАБИЛЬНОСТИ С ЗАПАДНОГО ФРОНТА НА ВОСТОЧНЫЙ*

В.Н. Колотов

Данная статья посвящена общему анализу сложившейся на сегодняшний день ситуации вдоль евразийской дуги нестабильности, а также сравнению геополитических процессов, одновременно протекающих на ее западном и восточном флангах, на которых находятся основные производители и потребители нефти.

В отличие от прошлых веков, в обновившейся с новой силой и с невиданным еще масштабом на евразийской шахматной доске «Большой игре» появился новый игрок — Китай. В настоящее время КНР попала под доминирующее влияние своеобразного замкнутого круга роста, движение в рамках которого все больше настораживает соседние государства. Кратко суть проблемы состоит в том, что длительный экономический рост Китая вызывает увеличение его политического влияния, а также расширение возможностей использования самого разнообразного набора инструментов для обеспечения возросших геополитических «аппетитов», удовлетворение которых позволит еще больше усилить потенциал экономическо-

го роста. Значительно большую роль в активизировавшихся геополитических играх играет углеводородное сырье, которое КНР вынужден импортировать во все возрастающих количествах.

Анализируя сложившуюся в Евразии ситуацию в сфере безопасности, прежде всего следует обратить самое пристальное внимание на несколько важных тенденций:

1. В настоящее время евразийская дуга нестабильности впервые в истории простирается от Тихого до Атлантического океана и имеет многочисленные ответвления, которые, как щупальца, опутывают попавшие в ее сферу влияния страны и регионы, погружая их в пучину долгосрочной управляемой дестабилизации.

2. В центральной части Евразии еще со времен «Большой игры» уже проложен основательно модернизированный к нашим дням своеобразный «бикфордов шнур», западный конец которого уже подожжен, огонь прошел по Северной Африке, сейчас идет по Ближнему Востоку и, по идее, рано или поздно должен прийти не просто в Восточную Азию, а именно в Китай, а также постепенно по всему фронту смещаться в северном направлении.

3. Наличие фундаментальных геополитических противоречий в Евразии

* Исследование выполнено в рамках гранта НИР СПбГУ «История Азии и Африки в контексте геокультурной парадигмы глобального развития» (шифр ИАС: 2.38.103.2012).

обеспечивает как бесперебойную модернизацию «шнура», так и его «горение» в направлении с Запада на Восток. Напряженность в отношениях между Вашингтоном и Пекином состоит в том, что одни хотят обеспечить себя бесперебойными поставками углеводородов (прежде всего, нефти), что даст им мощный дополнительный ресурс для развития, а другие, видя в этом для себя угрозу, этому активно противодействуют, пытаясь взять под свой исключительный контроль доступные конкуренту месторождения, а также обеспечить в случае необходимости возможность блокирования маршрутов транспортировки. Причем за основу такого контроля над уровнем развития потенциальных конкурентов взята концепция проведения управляемой региональной дестабилизации в ключевых регионах добычи и транзита.

4. Видя в такой политике угрозу своим интересам и одновременно испытывая насущную потребность в углеводородах, Пекин вынужден наращивать активность действий вблизи своих границ в Южно-Китайском море, где, по неподтвержденным данным, имеются значительные запасы нефти и газа.

5. Получается, что ситуация раскачивается в соответствии со следующим механизмом: чем сильнее геополитическая конкуренция между США и КНР, тем сильнее Пекин будет выдавливать чужими руками из Африки и из Ближнего Востока, тем сильнее Китай будет нуждаться в ресурсах в ЮВА и тем активнее он будет действовать в Южно-Китайском море, как наименее защищенном богатом ресурсами регионе вблизи КНР, поскольку соотношение между наличием ресурсов и защи-

щенности в регионе Южно-Китайского моря наиболее «привлекательное». Именно поэтому США уже сейчас в ЮВА выступают на стороне «обиженных» поднимающимся Китаем средних и малых стран. Так называемая «историческая обоснованность» претензий сторон, имеющих отношение к этим территориальным спорам, здесь ни при чем. Просто в данной ситуации так выгоднее.

6. Наиболее грамотным методом сдерживания китайской экспансии в ЮВА представляется создание региональной антикитайской коалиции — противопоставить Вьетнам и другие страны, в том числе исламский фактор от Малайзии и Индонезии до как минимум Синьцзян-Уйгурского автономного района (СУАР) и других регионов с мусульманским населением, где пересекаются геополитические интересы.

7. В настоящее время на фоне невиданной в регионе АТР гонки вооружений под прикрытием разговоров о «северокорейской ракетной угрозе» полным ходом идет создание азиатско-тихоокеанского сектора ПРО по широкому фронту от Японии до Австралии.

В совокупности указанные выше факторы говорят о наличии причинно-следственной связи между попытками ограничить рост влияния КНР на соседние регионы и дестабилизирующими событиями на Ближнем Востоке. Очевидно, что возросший нефтяной голод КНР может быть удовлетворен в настоящее время только с помощью поставок сырья с Ближнего Востока, РФ и стран Центральной Азии или в результате разработки месторождений в спорных регионах со всеми вытекающими отсюда последствиями.

В 2011 г., когда «арабская весна» еще только набирала обороты, КНР импортировала 20% сырой нефти из Саудовской Аравии, 12% из Анголы, 11% из Ирана, 8% из России, 7% из Омана, 5% из Ирака, 5% из Судана, 5% из Венесуэлы, 4% из Казахстана, 4% из Кувейта и еще 19% из других стран [14]. Эти данные показывают, что Пекин крайне чувствителен в отношении поставок нефти с Ближнего Востока, без чего он не сможет удержать экономический рост и стабильность в стране. Несмотря на это, китайская национальная нефтяная корпорация (CNPC) очень жестко ведет переговоры с альтернативными поставщиками углеводородов.

Как отмечают Александр Габуев и Кирилл Мельников на страницах газеты «Коммерсант», российские нефтяные компании долго не могли договориться с китайским покупателем о цене на нефть, поставляемую по контракту 2010 г., пока китайский партнер не согласился на «символическую» скидку \$1,5/баррель, тогда как сначала требовал снизить цену на \$10/баррель. Изначально твердая позиция, которая затем вдруг сменилась «уступчивостью» CNPC, по их мнению, объясняется тем, что поразившая Северную Африку и Ближний Восток «арабская весна» создала угрозу стабильности поставок нефти в Китай [4].

Авторитетный российский эксперт профессор А.Д. Воскресенский еще в 2006 г. предвидел будущее столкновение интересов, когда обратил внимание на обозначившиеся ««нефтяные» интересы Пекина» [3, с. 60] в отношении стран Ближнего Востока и Латинской Америки, а также на то, что «пока неясна реакция США на этот счет» [3, с. 60–61].

Широкомасштабных ответных действий США на возросшие «интересы» Пекина, которые вошли в историю под названием «арабская весна», мир дождался в конце 2010 г. Эти события привели в ряде случаев к существенным политическим преобразованиям в Северной Африке, а затем и в ряде стран на Ближнем Востоке. При всех нюансах, единстве и различии внешних форм протеста по последствиям все эти сценарии укладываются в понятие управляемой региональной дестабилизации вдоль евразийской дуги нестабильности, а также в установление своего прямого контроля над стратегическими ресурсами.

По мнению одного из наиболее информированных в сфере безопасности экспертов — генерал-майора КГБ СССР, который возглавлял управление нелегальной разведки ПГУ КГБ СССР (Управление «С»), Ю.И. Дроздова, «Большая игра фокусируется уже не только в пространстве стратегического противостояния США с Россией и Китаем, определяющим элементом которого является «Пайплайнинстан» (совокупность трубопроводов, протянувшихся в Центральной и Передней Азии). Доктрина полномасштабного доминирования предполагает контроль Пентагона над «дугой нестабильности» от Африканского Рога до Западного Китая» [5].

Совершенно точное описание «дуги нестабильности», данное Ю.И. Дроздовым в 2010 г., можно существенно дополнить. С момента выхода процитированной книги идет всего лишь третий год, а обозначенные им западный и восточный фланги евразийской дуги нестабильности уже не ограничивают-

ся регионами Африканского Рога и Западного Китая. Обостряющееся геополитическое соперничество уже привело к хаосу в Северной Африке и на Ближнем Востоке. Продолжается управляемая региональная дестабилизация в Афганистане, что несет угрозы основным субъектам евразийской геополитики. Традиционно индуцируется нестабильность на Северном Кавказе и в Центральной Азии. Также активизируются находившиеся до сих пор в режиме ожидания территориальные споры в Восточной Азии [6, 59–60].

Известно, что в Евразии нет формальных механизмов обеспечения безопасности, однако есть неформальный, но очень надежный механизм обеспечения избирательной нестабильности основных субъектов евразийской геополитики подлинно континентального масштаба — евразийская дуга нестабильности. Именно этот механизм и формирует основные параметры геополитического климата в Евразии.

Активизация западного фланга евразийской дуги нестабильности оказывает мощное дестабилизирующее воздействие на восточный фланг. Так, драматические события, которые в настоящее время происходят на Ближнем Востоке, трактуются некоторыми авторитетными экспертами в том числе и как угроза Китаю. В частности, летом 2013 г. в западном регионе КНР, в СУАР, произошли столкновения мотивированных религиозными лозунгами сепаратистов с правоохранительными органами, в результате которых появились человеческие жертвы. По мнению известного российского китаеоведа д.э.н. А.В. Островского: «Данный инцидент являет собой попытку обострить ситу-

ацию. Деньги вбрасываются через мусульманские экстремистские организации, что там происходит, всем известно, это в точности как у нас в Чечне или как в Сирии, сценарий одинаковый. Произошедшее надо рассматривать не как отдельное событие, а в непосредственной связи с “арабской весной”» [10]. Позднее, 28 октября 2013 г., выходцы из СУАР, где пустила глубокие корни радикальная сепаратистская организация «Восточный Туркестан», организовали жестокий теракт на площади Тяньаньмэнь в Пекине с использованием шахидов.

О том, что США в обозримом будущем приступят к широкомасштабному реформатированию Западной и Центральной Евразии, заранее писали наиболее компетентные эксперты. Так, авторитетный российский ученый-международник профессор А.Д. Богатуров, анализируя внешнеполитическую стратегию США, еще в 2004 г. совершенно точно определил основные параметры грядущего реформатирования: *«Геополитический смысл — в принципиальном повороте США к реорганизации всего пространства западной и отчасти центральной зон Евразии в интересах придания ему новой государственной и коммуникационной структуры, максимально соответствующей желанным перспективам поступательного развития мировой экономики и национального хозяйства промышленно развитых стран в первых десятилетиях XXI в. По сути дела, речь ведется о перезакладке фундамента для сохранения и совершенствования той модели развития, которая в понимании зарубежной политологии принесла успех Западу и достойна поэтому переноса, с соответствующими модификация-*

ми, в новое столетие... При постановке задачи такого масштаба не думать о естественном сопротивлении материала, т.е. международно-политической страновой среды, невозможно. В меру ясности этого обстоятельства очевидна объективная заинтересованность «мирового ядра» в минимизации возможного сопротивления и, стало быть, в размягчении, разрыхлении среды» [1, с. 20–21]. Спустя почти десятилетие после написания этих строк, анализируя события в Восточной Европе, в Северной Африке, на Кавказе, в Центральной Азии и на Ближнем Востоке, можно полностью подтвердить их справедливость. Очень точно сказано и о «естественном сопротивлении материала» [1, с. 21]. Ставшие доступными позднее поучительные примеры со Слободаном Милошевичем, Саддамом Хусейном, Хосни Мубараком, Муаммаром Каддафи, Башаром Асадом и др. служат красноречивым подтверждением правильности сделанного профессором А.Д. Богатуровым анализа.

Профессор А.Д. Богатуров совершенно справедливо обратил внимание на тогда еще только проявлявшиеся направления изменения характера международных отношений, которые он определил как: 1) «азиатизация НАТО» [1, с. 28] и 2) отход от «*принцип[а] обеспечения международной безопасности на региональной основе*» [1, с. 30]. Только с началом второй декады XXI в., когда с разной степенью интенсивности по всей длине евразийской дуги нестабильности были активизированы местные протестные движения, которые в случае необходимости получали поддержку войск США и НАТО, началось мощное движение, призванное сбросить накопившееся геополитиче-

ское напряжение, стало понятно, насколько он был прав. Наиболее заметные невооруженному глазу события разворачиваются на западном фланге евразийской дуги нестабильности, а в восточном направлении продолжает свою пока скрытую деятельность мощный импульс региональной дестабилизации. В Восточной Азии такого хаоса, как в Северной Африке и на Ближнем Востоке, пока нет, однако ситуация далеко не безоблачная, и в настоящее время активно создается инфраструктура проекции силы.

Насколько прочны позиции КНР в Восточной Азии в преддверии неотвратимо надвигающихся масштабных геополитических перемен? Среди наметившихся к сегодняшнему дню политически значимых трансформаций в Восточной Азии следует обратить внимание на изменение отношения к китайской политике в регионе. После азиатского финансового кризиса 1997 г., и особенно в первой декаде XXI в., Китай однозначно воспринимался как экономический локомотив региона, защитник от произвола и диктата стран Запада, что привело к созданию зоны свободной торговли с десятью странами АСЕАН 1 января 2010 г. с единым рынком товаров и услуг численностью в 2 млрд потребителей!

В то время профессор А.Д. Воскресенский имел все основания сделать следующее заключение: «...Китай создал к сегодняшнему дню такой задел, к которому не смогло приблизиться ни одно другое региональное государство, причем создал этот задел таким образом и действовал так корректно и осторожно, что не вызвал открытого противодействия других государств, и уж тем

более образования какой-либо антикитайской коалиции» [3, с. 48].

Еще в 2009 г. в отношении китайской политики в Восточной Азии господствовали настолько радужные настроения, что, когда в интервью ВВС автор этих строк определил долгосрочную политику Китая как «стратегическую экспансию в южном направлении», что подразумевает соответствующее сопротивление со стороны Вьетнама, то корреспондент вынес эту фразу в заголовок со знаком вопроса [12], наличие которого в моих комментариях не подразумевалось.

С тех пор прошло всего несколько лет, и сегодня в Восточной Азии в отношении политики КНР в регионе господствуют уже совсем другие настроения. Активизировались территориальные споры вдоль всей восточноазиатской дуги нестабильности, которые напрямую затрагивают Китай. В Северо-Восточной и Юго-Восточной Азии уже в открытую высказывают сомнения в «чистоте намерений» Пекина и пытаются найти геополитический противовес давлению со стороны КНР. Больше всего озабоченности у партнеров из ЮВА вызывает территориальная экспансия КНР в акватории Южно-Китайского моря, где впервые с момента окончания холодной войны наметился масштабный передел сфер влияния с далеко идущими геополитическими последствиями. КНР, пытаясь сдвинуть южный фланг восточноазиатской дуги нестабильности в южном направлении, настаивает на двустороннем формате переговоров по территориальным спорам со странами АСЕАН, однако, поскольку данная проблематика напрямую затрагивает интересы так-

же других региональных и глобальных игроков, очевидно, что обсуждение получит широкий глобальный резонанс и будет использовано как минимум для обсуждения формата создания антикитайской коалиции под эгидой США и при их всемерной поддержке.

Анализируя ситуацию на западном и восточном флангах евразийской дуги нестабильности, можно заметить следующие особенности: чем острее потребность в нефти и больше проблем появляется на Ближнем Востоке, тем меньше корректности наблюдается в конкретных действиях Пекина в направлении установления своего контроля над спорными территориями в акватории Южно-Китайского моря, что вполне предсказуемо вызывает активизацию сопротивления ряда стран ЮВА, которые в своем противодействии Пекину получают существенную поддержку со стороны США. До создания антикитайской коалиции в регионе пока не дошло, но процесс довольно быстро развивается именно в этом направлении. Уже вспомнили про традиционную китайскую стратегию 蚕食 (цань ши)¹, которую на русский язык можно перевести так — «поедать постоянно земли соседей так же, как шелковичный червь листья» тутового дерева [9].

Политика установления китайского контроля над Южно-Китайским морем также получила несколько более или менее политкорректных определений. Самое нейтральное — «У-образная линия» (вьетн. Đường chữ U), затем идет китайский вариант — «Линия девяти черт» (кит. 九段线 (вьетн. Đường chín đoạn) и самое распространенное — «Линия бычьей

¹ Кит. cán shí, вьетн. tằm thực.

Рис. 1. «Chinese strategic miscalculations in the South China Sea» [16]

го языка» (вьетн. *Đường lối bờ*), с вполне предсказуемым предложением этот «язык» отрезать или прибить колом к морскому дну. У нас нет информации о том, кто рисует и распространяет эти карикатуры и каково отношение к ним со стороны официальных кругов², однако они имеют важное влияние на формирование общественного мнения и вполне определенного негативного отношения к политике Китая в территориальных спорах по периметру границ КНР в целом и в Южно-Китайском море в частности. В Интернете и различных социальных сетях Вьетнама, самой близкой к Китаю в политическом и культурном отношении стране ЮВА, широкое распространение получили карикатуры, посвященные внешней политике КНР.

Жесткая линия КНР в отношении соседних стран по территориальным спорам в Пекине создает иллюзию «воз-

вращения утраченного» и закрепления возросшего международного авторитета, однако такая политика, очевидно, не внушает оптимизма соседним странам, стимулирует проблематику «китайской угрозы», активизацию антикитайских сил и способствует формированию международной антикитайской коалиции по периметру границ. Этот тезис уже активно используется в пропаганде.

Сюжет карикатуры о политике Пекина в направлении расширения зон влияния вряд ли нуждается в особых комментариях.

Намек на сражения в устье реки Батьданг, где трижды был разгромлен китайский флот в X и XIII вв., содержится в широко растиражированных карикатурах, посвященных экспансии КНР в Южно-Китайском море.

Впервые на реке Батьданг в Северном Вьетнаме флот китайской династии Южная Хань (917–971) был разгромлен вьетнамским полководцем Нго Куеном в 938 г. Суть его замысла состо-

² Ссылки даны на ресурсы, где помещены карикатуры в сети Интернет.

Рис. 2. Карикатура из сети Интернет [15]. Надпись — «Батьдангский кол»

яла в том, чтобы во время отлива вбить в дно реки заостренные сверху деревянные колья такой высоты, чтобы во время прилива их было не видно. Когда китайский флот появился в заливе Халонг, вьетнамцы вступили в бой, а затем с началом прилива по приказу своего главнокомандующего начали отступление, заманивая противника в устье реки Батьданг. Как только начался отлив, вьетнамский флот с подкреплениями перешел к широкомасштабному наступлению, тесня противника к месту заранее подготовленной засады. Тяжелые китайские корабли на скорости налетали на вбитые колья, получали пробоины и тонули. Более половины судов

неприятеля отправились на дно реки. Во второй раз эту хитрость против флота китайской династии Сун (960–1279) в 981 г. применил вьетнамский полководец Ле Хоан, который устроил здесь двойную засаду, используя тактику Нго Куена. В третий раз в 1288 г. в аналогичную засаду в устье реки Батьданг попал флот монгольской династии Юань (1271–1368), которая к тому времени захватила весь Китай и стремилась установить контроль над Вьетнамом, чтобы получить плацдарм для расширения агрессии на Юго-Восточную Азию. Монголо-китайский флот под командованием Омара также заманили в заранее подготовленную засаду во время

прилива, а затем отбросили на вбитые в дно реки колья в ходе яростной контратаки, когда начался отлив. В этот раз с берегов в корабли с полученными от кольев пробоинами еще метали подожженные факелы. Так же как и в X веке, для агрессоров этот бой закончился полным разгромом.

В современном Вьетнаме подробные описания этих битв содержатся в популярной исторической литературе и широко известны в народе. Намек на сражения в устье реки Батьданг содержится в широко растиражированных карикатурах, где в высунутый над Южно-Китайским морем «бычий язык» вбивается батьдангский кол с соответствующей надписью.

Иная версия актуальной карикатуры содержит предложение отрезать распростертый над Южно-Китайским морем, которое по-вьетнамски называется Восточным морем (Biển Đông), «бычий язык». В первой декаде XX в. карикатур, высмеивающих китайскую политику в регионе, во Вьетнаме не было заметно. И это происходит в соседнем социалистическом государстве, где у власти, как и в КНР, находится коммунистическая партия! Что уж говорить про позицию других стран ЮВА, в которых десятилетиями проводилась совершенно иная идеологическая политика.

Все это можно расценивать как проявление определенной информационной политики, направленной на торпедирование «китайского проекта» в регионе. Очевидно, что такая пропаганда не способствует повышению международного авторитета Китая в ЮВА, а также консолидации сил перед очередным раундом надвигающегося передела сфер влияния в регионе. Очевидно,

Рис. 3. Карикатура из сети Интернет, призывающая отрезать «бычий язык» в Южно-Китайском море [13]

что простого решения у этой проблемы нет. Развернувшаяся карикатурная война не помогает спокойному продвижению к взвешенному конструктивному диалогу, стимулируя проблематику постепенного формирования «санитарного кордона» и антикитайской коалиции. Игнорирование политически значимого контента в Интернете и социальных сетях уже плохо закончилось для ряда режимов Восточной Европы и Северной Африки в ходе «цветных революций» и «арабской весны».

Пока что идет «всего лишь» пропагандистская война, и остается надеяться на то, что у субъектов региональной геополитики хватит мудрости не вступать в военные действия друг с другом, поскольку в этом случае масштабным планам потенциальной интеграции ряда стран Восточной Азии под эгидой Китая в том или ином формате будет нанесен тяжелый удар.

Совершенно справедливо отмечал профессор А.Д. Воскресенский, когда писал, что «“китайский фактор” становится одним из важнейших для анализа динамики “стяжения” Северо-Восточной, Юго-Восточной и Южной Азии в единый Восточно-Азиатский региональный комплекс безопасности («Большая Восточная Азия»)» [3, с. 48–49]. Действительно, игнорировать «китайский фактор» в современном мире нельзя, однако надо помнить, что рост и возвышение Пекина устраивают далеко не всех и «китайскому фактору» будет оказываться соответствующее противодействие, тем более что, по последним статистическим данным, совокупная доля Азии и Океании в мировом ВВП впервые превысила соответствующие показатели как США, так и ЕС.

Известно, что для торпедирования альтернативных интеграционных проектов, представляющих потенциальную геополитическую угрозу, достаточно эффективно применяются дуги нестабильности. Одна из таких дуг — восточноазиатская дуга нестабильности — как раз и пересекает с севера на юг Восточную Азию, отсекая РФ и КНР от Японии, Тихого океана и ЮВА.

«Для понимания характера политики США в этом регионе мира полезно вспомнить сформулированные Збигневом Бжезинским «три великих императива имперской геостратегии», которые заключаются в «предотвращении сговора между вассалами и поддержании их зависимости в обеспечении безопасности, сохранении покорности и защиты подчиненных, а также недопущении объединения варваров» [11, с. 40]. Следуя этой логике, сама возможность «объединения варваров» под эгидой

какой-либо иной державы в Вашингтоне будет трактоваться как угроза национальной безопасности США со всеми вытекающими отсюда последствиями, которые очевидно будут предусматривать все виды воздействия с опорой на систему двусторонних договоров об обеспечении безопасности, имеющихся с некоторыми странами Восточной Азии. Обратим особое внимание на формулировку, данную Збигневом Бжезинским: «maintain security dependence among the vassals», т.е. «поддержание зависимости вассалов в обеспечении безопасности». Иными словами, основная задача в Евразии в целом и Восточной Азии в частности состоит в том, чтобы не допустить самодостаточности «варваров» в обеспечении безопасности и всемерно сохранять их зависимость в этой важнейшей сфере. Именно поэтому в регионе также нет «комплексного механизма обеспечения безопасности», поскольку он не нужен Вашингтону как самому влиятельному субъекту глобальной геополитики. Напомним, что в политическом, культурном и религиозном отношении регион Восточной Азии весьма разнообразен, что существенно облегчает дело создания разнообразных противовесов, коалиций и союзов, для сдерживания «угроз» в виде появления влиятельного геополитического конкурента» [7, с. 298–299].

Во времена холодной войны, в период биполярного противостояния двух сверхдержав и их союзников, по мнению З. Бжезинского, было три «центральных стратегических фронта» [11, с. 7], на основе которых позднее были созданы дуги нестабильности. В те годы главную роль играл западный «фронт». Восточный «фронт»

просто фиксировал сложившийся status quo, который был закреплен в ходе войны на Корейском полуострове и двух индокитайских войнах. В это масштабное геополитическое противостояние прямо или косвенно были втянуты СССР, КНР, США, Франция, Япония, Австралия, Республика Корея, Филиппины и др. За десятилетия интриг, закулисной борьбы и открытых столкновений вдоль восточноазиатской дуги нестабильности произошло только одно значимое изменение: удалось «всего лишь» объединить территорию Вьетнама на континенте, оставив архипелаги в Южно-Китайском море на потом. Центральный «фронт» в то время по большому счету представлял собой наследие «Большой игры», которая в данном регионе с разной степенью интенсивности продолжается уже не первый век. После дезинтеграции СССР основное внимание было обращено на укрепление контроля над Восточной Европой, что дало некоторым странам Восточной Азии редкий исторический шанс повысить свой статус, который был грамотно использован. В наши дни на основе разросшегося до беспрецедентных размеров центрального «стратегического фронта», который в период холодной войны был самым коротким, уже сложилась единая евразийская дуга нестабильности, которая не только пролегает через всю Евразию от Восточной Азии до Ближнего Востока, но и пересекает всю Северную Африку, протянувшись в целом от Тихого до Атлантического океана! Геополитических проектов такого масштаба в Евразии еще не было.

События последних лет наглядно демонстрируют, что активизация геополитических процессов на западном

фланге евразийской дуги нестабильности позволяет оказывать существенное воздействие на восточный фланг и наоборот. Дестабилизация богатых углеводородными ресурсами и не очень хорошо защищенных стран Ближнего Востока, а также транзитных регионов позволяет оказывать влияние на темпы развития так сильно зависящего от ближневосточной нефти Китая.

Пытаясь снизить зависимость от нефти из все больше погружающегося в пучину управляемой региональной дестабилизации Ближнего Востока, в октябре 2013 г. китайский лидер Си Цзинпин посетил четыре страны Центральной Азии, где подписал соглашения о вложении в проекты, связанные с разведкой и транспортировкой углеводородов инвестиции на 68 млрд долл. [8], однако, по нашему мнению, не стоит возлагать слишком большие надежды на регион, нависающий в опасной близости над евразийской дугой нестабильности, который к тому же защищен не многим лучше стран Северной Африки.

Попытки диверсифицировать нефтяные потоки происходят на фоне не столько сохранения обозначенных З. Бжезинским восточного и западного «стратегических фронтов», сколько их существенной модернизации и трансформации в полноценные дуги нестабильности. Западный «фронт» по итогам распада советского блока сместился в восточном направлении и «закреплен» вступлением в НАТО новых членов. Как на Западе, так и на Востоке вдоль соответствующих «фронтов» идет строительство европейского и азиатского секторов противоракетной обороны, что мотивируется необходимостью за-

щиты от «ракетной угрозы» со стороны Ирана и Северной Кореи. Несмотря на существенно изменившийся баланс сил в пользу Китая в Восточной Азии, никаких значимых изменений в положении восточноазиатской дуги нестабильности пока не произошло. Стремление КНР усилить свои позиции в регионе Южно-Китайского моря путем смещения южного фланга восточноазиатской дуги нестабильности в южном направлении предвещает более масштабные геополитические последствия, чем результат двух индокитайских войн, которые с 1946 по 1975 г. велись Францией, а затем и США преимущественно во Вьетнаме [7]. Напряженной геополитической борьбе за повышение регионального статуса КНР, а также не менее активному и грамотному противодействию с широким вовлечением в сопутствующие геополитические игры глобальных и региональных игроков будут посвящены грядущие годы, причем ареной этой борьбы станет большая часть Евразии.

По мнению генерал-майора А.И. Владимирова, президента коллегии военных экспертов России, «**Мир** — есть способ исполнения ролей, сформированных последней войной, он формирует потенциал перемен, и это его работа и его дело.

Война — есть способ структуризации, т.е. способ перехода к новой модели архитектуры мира и управления им, способ перераспределения старых и получения (завоевания) новых мест, ролей и статусов государств» [2]. Если анализировать текущую ситуацию в Евразии через призму столь авторитетной точки зрения, то следует признать, что на континенте в целом уже идет полномасштабное перераспределение ролей и статусов субъектов глобальной и региональной геополитики, а его основным инструментом выступает евразийская дуга нестабильности, с той разницей, что бурные события на ее западном фланге в определенном смысле тесно связаны с пока менее заметными процессами на восточном.

Список литературы

1. Богатуров А.Д. «Стратегия перемальвания» в международных отношениях и внешней политике США / А.Д. Богатуров. М. : УРСС, 2004. С. 20–21, 28, 30, 48.
2. Владимиров А.И. Россия в условиях Четвертой мировой войны. Технологии войн мирного времени / А.И. Владимиров // Плацдарм № 1 (6). 2003. Цит. по: Дроздов Ю.И., Маркин А.Г. Наглый орел. 2007 (Разведка и война в системе США) / Ю.И. Дроздов, А.Г. Маркин. М. : Артстиль-полиграфия, 2007. С. 198–199.
3. Воскресенский А.Д. «Большая Восточная Азия»: мировая политика и энергетическая безопасность / А.Д. Воскресенский. М. : ЛЕНАНД, 2006. С. 48–49, 60–61.
4. Габуев А.Т., Мельников К. Сырьевой задаток. Китай готов предоставить России все больше денег / А.Т. Габуев, К. Мельников. URL: <http://kommersant.ru/doc/2326062> (дата обращения: 04.03.2014).
5. Дроздов Ю.И., Маркин А.Г. Операция «Президент». От «холодной войны» до «перегрузки» / Ю.И. Дроздов, А.Г. Маркин. М. : Артстиль-полиграфия, 2010. С. 172–173.
6. Колотов В.Н. Восточноазиатская дуга нестабильности как основной элемент системы региональной безопасности // Актуальные проблемы региональной безопасности современной Азии и Африки / В.Н. Колотов ; отв. ред. В.Н. Колотов. СПб. : Студия НП-Принт, 2013. С. 59–60.
7. Колотов В.Н. Вьетнам между США и КНР: историко-политологический анализ современной геополитической ситуации в регионе // Основные тенденции политического

- и экономического развития стран современной Азии и Африки / В.Н. Колотов ; отв. ред. В.Н. Колотов. СПб. : Студия НП-Принт, 2011. С. 289–305.
8. Мануков С. Новый Шелковый путь. Блиц-кампания в Центральной Азии обошлась Пекину в 68 млрд долларов. Китай начал прокладывать новый Шелковый путь на Запад / С. Мануков. URL: <http://expert.ru/2013/10/16/novyyij-shejkovyij-put/?n=667> (дата обращения: 15.03.2014).
 9. Переломов Л.С. Китай и Вьетнам в III в. до н. э. — Китай и соседи в древности и Средневековье / Л.С. Переломов. М. : Наука, 1970. С. 56.
 10. Эксперт: События в Китае нужно рассматривать в контексте «арабской весны». URL: <http://www.pravda.ru/news/world/26-06-2013/1162941-spring-0/> (дата обращения: 15.03.2014 г.).
 11. Brzezinski Z. The Grand Chessboard: American Primacy and Its Geostrategic Imperatives. NY: Basic Books, 1997. P. 7, 40.
 12. Chiến lược dài hạn của Trung Quốc? URL: http://www.bbc.co.uk/vietnamese/vietnam/2009/05/090513_kolotov_interview.shtml (date of access: 20.03.2014).
 13. Hồng Thất Công — Tuần Quỳnh. Trung Quốc quyết dùng ‘lưỡi bò’ liếm sạch Biển Đông. URL: <http://vietinfo.eu/chuyen-muc-bien-dong/trung-quoc-quyet-dung-luoi-bo-liem-sach-bien-dong.html> (date of access: 05.03.2014).
 14. Office of The Secretary of Defense. Annual Report to Congress. Military and Security Developments. Involving the People’s Republic of China 2013. P. 20.
 15. Tạp chí nổi tiếng Science sẽ không đăng bài báo có “đường lưỡi bò”. URL: <http://www.anlackle.com/2011/10/tap-chi-noi-tieng-science-se-khong-dang-bai-bao-co-duong-luoi-bo>
 16. Weekly Bulletin (24 September — 30 September). URL: <http://nghiencuubiendong.vn/en/weekly-bulletin/740-weekly-bulletin-24-september-30-september> (date of access: 05.03.2014).

Современное состояние евразийской дуги нестабильности: расстановка зон влияния и перенос нестабильности с западного фронта на восточный

Колотов Владимир Николаевич, заведующий кафедрой истории стран Дальнего Востока восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета, доктор исторических наук, профессор

***Аннотация.** Данная статья посвящена общему анализу сложившейся на сегодняшний день ситуации вдоль евразийской дуги нестабильности, а также сравнению геополитических процессов, одновременно протекающих на ее западном и восточном флангах. В настоящее время евразийская дуга нестабильности впервые в истории простирается от Тихого до Атлантического океана и имеет многочисленные ответвления, которые, как щупальца, опутывают попавшие в ее сферу влияния страны и регионы, погружая их в пучину долгосрочной управляемой дестабилизации. Фундаментальные геополитические противоречия в Евразии между глобальными и региональными акторами обеспечивают как бесперебойную модернизацию этого «бикфордова шнура», так и его «горение» в направлении с Запада на Восток.*

***Ключевые слова:** евразийская дуга нестабильности, управляемая региональная дестабилизация, «арабская весна», подъем Китая.*

The Current State of the Eurasian Arc of Instability: The Spheres of Influence and the Shift of Instability from the Western to the Eastern Flank

Vladimir Kolotov, Ph.D., Professor, Head of the Department of History of the Far East Countries, Faculty of Asian and African Studies, Saint Petersburg State University

Abstract. This article focuses on the general analysis of the present situation along the Eurasian Arc of Instability, as well as comparison of geopolitical processes simultaneously going on its western and eastern flanks. Currently, the Eurasian Arc of Instability for the first time in the history stretches from the Pacific to the Atlantic Ocean and has numerous offshoots, which like the tentacles entangle countries and regions trapped in its sphere of influence, plunging them into the abyss of a long-term controlled destabilization. The fundamental geopolitical contradictions between the global and regional actors in Eurasia provide a permanent upgrade of this “Bickford fuse” and its “burning” in the direction from west to east.

Key words: Eurasian Arc of Instability, Regional controlled destabilization, “Arab spring”, China’s Rise.

References

1. Bogaturov A.D. «Strategija peremalyvanija» v mezhdunarodnyh otnoshenijah i vneshnej politike SShA. M. : URSS, 2004. S. 20–21, 28, 30, 48.
2. Vladimirov A.I. Rossiya v uslovijah Chetvertoj mirovoj vojny. Tehnologii vojn mirnogo vremeni // Placardum № 1 (6). 2003. Cit. po. Drozdov Ju. I., Markin A. G. Naglyj orel — 2007. (Razvedka i vojna v sisteme SShA). Moscow: Artstil’-poligrafija, 2007. S. 198–199.
3. Voskresenskij A.D. «Bol’shaja Vostochnaja Azija»: mirovaja politika i jenergeticheskaja bezopasnost’. M. : LENAND, 2006. S. 48–49, 60–61.
4. Gabuev A.T., Mel’nikov K. Syr’evoy zadatok. Kitaj gotov predostavit’ Rossii vse bol’she deneg. URL: <http://kommersant.ru/doc/2326062> (date of access: 04.03.2014).
5. Drozdov Ju. I., Markin A.G. Operacija «Prezident». Ot «holodnoj vojny» do «perezagruzki». M. : Artstil’-poligrafija, 2010. S. 172–173.
6. Kolotov V.N. Vostochnoaziatskaja duga nestabil’nosti kak osnovnoj jelement sistemy regional’noj bezopasnosti // Aktual’nye problemy regional’noj bezopasnosti sovremennoj Azii i Afriki / Otv. red. V.N.Kolotov. SPb.: Studija NP-Print, 2013. S. 59–60.
7. Kolotov V.N. V’etnam mezhdru SShA i KNR: Istoriko-politologicheskij analiz sovremennoj geopoliticheskoy situacii v regione // Osnovnye tendencii politicheskogo i jekonomicheskogo razvitiya stran sovremennoj Azii i Afriki. SPb.: Studija NP-Print, 2011. S. 289–305.
8. Manukov S. Novyj Shelkovyj put’. Blic-kampanija v Central’noj Azii oboshlas’ Pekinu v 68 mlrd. dollarov. Kitaj nachal prokladyvat’ novyj Shelkovyj put’ na zapad. URL: <http://expert.ru/2013/10/16/novyy-shelkovyy-put/?n=667> (date of access: 15.03.2014).
9. Perelomov L.S. Kitaj i V’etnam v III v. do n. je. Kitaj i sosedi v drevnosti i srednevekov’e. M. : Nauka, 1970. S. 56.
10. Jekspert: Sobytiya v Kitae nuzhno rassmatrivat’ v kontekste “arabskoj vesny” URL: <http://www.prawda.ru/news/world/26-06-2013/1162941-spring-0/> (date of access: 15.03.2014).
11. Brzezinski Z. The Grand Chessboard: American Primacy and Its Geostrategic Imperatives. NY: Basic Books, 1997. P. 7, 40.
12. Chiến lược dài hạn của Trung Quốc? URL: http://www.bbc.co.uk/vietnamese/vietnam/2009/05/090513_kolotov_interview.shtml (date of access: 20.03.2014).

13. Hồng Thất Công — Tuấn Quỳnh. Trung Quốc quyết dùng ‘lưỡi bò’ liếm sạch Biển Đông. URL: <http://vietinfo.eu/chuyen-muc-bien-dong/trung-quoc-quyet-dung-luoi-bo-liem-sach-bien-dong.html> (date of access: 05.03.2014).
14. Office of The Secretary of Defense. Annual Report to Congress. Military and Security Developments Involving the People’s Republic of China 2013. P. 20.
15. Tạp chí nổi tiếng Science sẽ không đăng bài báo có “đường lưỡi bò”. URL: <http://www.anlackle.com/2011/10/tap-chi-noi-tieng-science-se-khong-ang.html>
16. Weekly Bulletin (24 September — 30 September). URL: <http://nghiencuubiendong.vn/en/weekly-bulletin/740-weekly-bulletin-24-september-30-september> (date of access: 05.03.2014).